

Борис Львович Васильев
Встречный бой

повесть

1

Рассвет в горах наступал медленно. Длинные тени ползли по долинам, нехотя отрываясь от земли, туман плотно окутывал кусты, а поверх стлался синий пороховой дым, почти не тающий в холодном воздухе.

Генерал смотрел в стереотрубу до рези в глазах. В искусственном, многократно отраженном и преломленном мире оптики все казалось плоскостным, неестественным, а радужная пленка, занимавшая восточную часть зоны обзора, раздражала ярмарочными красками.

— Не вижу! — сердито сказал он. — Выбрали энпе, нечего сказать! Где танки Колымасова?

— Левее моста, товарищ генерал, — негромко пояснил маленький капитан-разведчик, оборудовавший для комкора этот наблюдательный пункт.

Генерал оторвался от окуляров, поправил сбитую на затылок фуражку.

— Выдвинуть вперед, — сказал он. — Так, чтобы я моторы слышал. Струсили под занавес, разведчики? — Он насмешливо посмотрел на капитана покрасневшими от бессонницы глазами и легко прыгнул на бруствер. — Связь, не отставать!..

Генерал шагал туда, где глухо гремел бой, прикрытый тугими клубами сизо-серой смеси дыма и тумана. Он шел в рост, не пригибаясь от случайных снарядов, сунув руки в карманы ватника и поеживаясь. За ним неслышно скользили адъютант и два автоматчика.

Было прохладно, и стволы автоматов покрылись мельчайшими капельками росы. Солнце никак не могло перевалить через горы, в низине было еще по-ночному сумрачно, и только высоко в редких прогалинах тумана угадывалось светлое небо.

— Тринадцать, — сказал генерал, взглянув на часы. — Поздно здесь светает.

Генерала обогнали сначала разведчики во главе с капитаном, а потом и связисты, тащившие катушки и дублирующую рацию.

— Чтоб связь работала! — крикнул вдогонку генерал.

— Так точно, товарищ генерал! — автоматически отозвался лейтенант-связист и побежал, по временам пригибаясь и удобнее укладывая провод.

Разведчиков было шестеро — в ватниках, подпоясанных ремнями, с автоматами за плечом, ножами и гранатами на поясе. Шестеро молчаливых, привыкших общаться скорее знаками, чем словами, прошедших войну солдат. Они одинаково бесшумно, чуть пригнувшись, шли след в след за капитаном, и по профессионально легкой, неторопливой и расчетливой походке их можно было принять за пехотинцев, если бы не традиционные черные шлемы, которые в танковых войсках носили все, даже тыловики, ремонтники и связисты.

— Не вышло, — усмехнулся рыжеватый молодой разведчик, когда они обогнали генерала. — Разве его обманешь?

— А бой-то, по всему виду, последний, — вздохнул рослый сержант, тащивший стереотрубу. — Ковырнет какая-нибудь дура случайная — обидно...

Они говорили не о себе. Они говорили о генерале — командире их танкового корпуса. Он разгадал наивную хитрость, с помощью которой они надеялись обезопасить его в эти последние часы войны. Сказать, что они любили его, как любят солдаты смелых и удачливых командиров, значило бы сказать мало и обычно, потому что они не просто любили — они гордились им, как гордятся братья самым талантливым и счастливым в семье. Гордились перед солдатами других корпусов, перед знакомыми и незнакомыми офицерами и генералами, гордились перед семьями, и военная цензура подчас вставала в тупик, натываясь в солдатских письмах на восторженные фразы о *нашем*. Его называли так в разговорах: «наш сказал», «наш приказал», «наш велел». Называли все — и солдаты, и офицеры, — и никто не знал, когда зародилось это теплое, почти семейное отношение к

командиру корпуса. А «наш» был нисколько не мягче, не добрее, не сердечнее любого командира. Скорее наоборот: он был суровее многих, не терпел противоречий, а в бою проявлял порой граничащую с жестокостью непреклонность. Он никогда не сбивался на солдатские шуточки, бытовавшие в разговорах многих генералов, был замкнут, и мало кто в корпусе мог похвастаться, что видел улыбку на его лице.

Он был храбр, но удачлив, резок, но демократичен, суров, но справедлив. Все эти качества встречались у многих военачальников, но «наш» генерал имел еще одну и, вероятно, решающую особенность: в августе этого года ему исполнялось тридцать лет...

— Мелешко, ты с него глаз не спускай, — сказал маленький капитан, устанавливая стереотрубу на чердаке разбитой водонапорной башни — единственного уцелевшего строения некогда обширного фольварка.

Сержант, тащивший стереотрубу, молча кивнул. Приказ этот означал, что отныне ему в обязанность вменяется прикрыть генерала телом, если в этом возникнет необходимость, но разведчик только заботливо обтер рукавом ватника автоматный ствол и ушел встречать подопечного.

Генерал шагал быстро, но неторопливо: часто останавливался, наблюдал за боем, в который втягивались подходившие части, рассылал связных по участкам. Он знал, что наблюдательный пункт надо не только найти, но и оборудовать, и заранее давал своим людям на это время, чтобы они не нервничали, видя торчащего над душой командира.

Связисты быстро готовили связь. Временами лейтенант включался в провод, проверяя, не перебило ли его осколком, говорил несколько зашифрованных слов и снова смыкал цепь, следуя за своими телефонистами.

— Товарищ генерал!.. — вдруг непривычно громко крикнул он, стоя на одном колене и протягивая трубку. — Товарищ генерал, вас!

Генерал с удивлением посмотрел на его сияющее, счастливое и одновременно растерянное лицо и взял трубку:

— Ну?.. Так...

Лицо его на мгновение дрогнуло, но он тотчас же придал ему прежнее замкнутое выражение и только щелчком сбил на затылок фуражку. Молоденький лейтенант с мокрым то ли от росы, то ли от слез лицом, восторженно улыбаясь, смотрел на него, словно ожидая увидеть что-то очень необыкновенное, и генерал, поймав этот взгляд, чуть сдвинул брови и положил руку на плечо лейтенанту.

— Понятно, — сухо и деловито говорил он в трубку. — Бой развивается нормально. Прошу пока не сообщать. Да. Нас это не касается.

Он отдал лейтенанту трубку, серьезно и чуть печально посмотрел в его счастливые глаза и тихо сказал:

— Молчать, лейтенант. Молчать до самого конца. И связистам своим закажи. Понял меня?

— Понял, — кивнул лейтенант. Губы его вдруг дрогнули, и он шепотом добавил: — Поздравляю вас.

— И тебя тоже, — сказал генерал и пошел.

К тому времени, когда солнце, с трудом разогнав туман, прорвалось наконец в низины, бой затих. Немцы прекратили попытки с хода прорваться к перевалам и то ли перегруппировывались, то ли чего-то ждали, изредка вслепую осыпая минами перепаханые танками склоны. Наши молчали.

К наблюдательному пункту подтянулся штаб, появились люди. Все были в странно возбужденном состоянии, словно в воздухе носилось что-то невысказанное, но уже известное каждому, о чем почему-то до времени принято было молчать. И все с удовольствием и почти весело играли в эту молчанку, но слаженный механизм гигантской военной машины вдруг где-то нарушился, и хотя люди привычно делали привычное дело, все сегодня выглядело не так: не так ходили, не так отдавали команды, не так ждали, курили, разговаривали.

В низине под наблюдательным пунктом расположился узел связи: три огромные автомашины, опутанные проводами и антеннами. Девушки-радистки сновали вокруг этих

машин, и солдаты, рывшие укрытия по гребню, часто прерывали работу и долго, опершись о лопаты, смотрели вниз, на девушек, и во взглядах их было что-то новое, уже мирное.

Возле водонапорной башни мыкался младший лейтенант. Он с курсантской торопливостью тянулся перед каждым офицером и все пытался доложить, что прибыл «для прохождения дальнейшей службы», но командирам было не до него, и он, вздохнув, отходил в сторону. Он очень хотел повоевать и тоже понимал, что этот бой — последний, и радовался, и ужасался, что не успеет отличиться, и боялся погибнуть за полчаса до конца войны. Это двойственное чувство жило в нем постоянно: решившись, он обретал вдруг настойчивость и подсакивал к кому-нибудь из начальства, собираясь потребовать немедленного назначения, но тут же скисал, мямлил что-то невразумительное и сразу же отходил, втайне радуясь, что его никуда не послали.

В пять на «виллисе» приехал полковник Сергей Иванович Ларцев — замполит командира корпуса. Он был грузен, добродушен и, с солдатской точки зрения, весьма стар, и поэтому командир корпуса во всех случаях обращался к нему только по имени и отчеству, позволяя себе откровенно нарушать устав. Увидев замполита, он тут же спустился к подножию башни.

— Немцы отклонили ультиматум, — негромко сказал полковник. — В одном месте обстреляли парламентариев.

— Ну и черт с ними, — резко отозвался генерал. — Упрашивать остаться в живых не собираюсь. Передайте Колымасову: в пять сорок атака. И пока не возьмет мост, пусть на глаза не показывается.

— Людей жалко, — вздохнул Сергей Иванович.

— Может, пропустим фрицев к американцам?

Полковник промолчал. Генерал покосился на него, сказал мягко:

— Мне, Сергей Иванович, тоже людей жалко. И не только этих, — он кивнул на разведчиков, сидевших на корточках у стены, — но и тех, кого та сволочь лет через двадцать в бой пошлет. Вот так. Готовьте атаку. И... — он твердо посмотрел в добрые, в стариковских морщинках глаза, — помните: для нас она еще не кончилась...

— Товарищ генерал!.. Товарищ генерал!

Ликующий женский крик заглушил грохот выстрелов, вой мин, далекий рев танков — он заглушил всё, саму войну.

— Товарищ генерал!

Снизу, от узла связи, изо всех сил бежала девушка в гимнастерке, перетянутой ремнем, в узкой защитной юбке, в тяжелых кирзовых сапогах, смешно и трогательно хлюпающих на стройных ногах. Берета на ней не было, и черные волосы металась вокруг головы. Она, задыхаясь, лезла по крутому откосу, счастливая, восторженная, светлая. Торопясь обрадовать людей, она забыла обо всем на свете и, всегда обычно осторожная и скромная, сейчас совсем по-детски подпернула узкую юбку, бесстыдно сверкая голубой каймой стандартных армейских штанишек.

— Товарищ генерал!..

Он понял, что означает этот звонкий, ликующий крик. Понял и бросился к ней, оглушительно заорав:

— Молчать!..

От грозного окрика девушка споткнулась, упала, не отрывая глаз от подбегавшего генерала.

— Товарищ...

— Молчать!.. — второй раз рявкнул он и, запыхавшись от бега, остановился над нею.

Сзади него тут же выросла фигура разведчика. Девушка снизу вверх посмотрела на них, все еще продолжая улыбаться.

— Мир!..

— Нет, — твердо сказал он и опустился рядом с нею на колени. — Нет мира, ефрейтор. Бой идет. После боя мир будет. Поняла?

— Поняла. — Она послушно покивала, улыбаясь. Слезы текли по ее щекам, и она совсем не по-ефрейторски шмыгала носом. — Мир, товарищ генерал. Война кончилась.

Генерал глядел на ее счастливое, зареванное лицо, и острая боль на мгновение сжала сердце. Он опустил голову, наткнулся глазами на круглое, перепачканное землей колено и сразу же поднялся.

— Встать, — негромко скомандовал он, и девушка, поспешно одернув юбку, тотчас же вскочила и опустила руки по швам. — Вытрите слезы.

Она машинально пошарила по поясу, по обшлагам гимнастерки и, виновато улыбнувшись, стала вытирать лицо ладонями. Генерал достал платок, стесняясь, сунул ей в руку.

— Идите к себе и не выходите. И всем скажите, чтобы носа не смели показывать. И никому ни слова. Идите.

— Есть, — шепотом сказала она и пошла вниз, зажав в руке скомканный генеральский платок.

Многие видели эту встречу, слышали крик, но никто не знал, о чем говорил генерал с радисткой. Знал только рослый разведчик Мелешко, которому капитан приказал охранять генерала, но он молчал, понимая, что в бою не следует делиться такой новостью.

— Хороши ножки, — заметил рыжеватый разведчик и вздохнул. — На такие бы ножки да классные туфельки.

— Нашему Феде Гонтарю абы ножки, — усмехнулся другой разведчик. — А вот чего она бежала...

— Нет, точно: классная девка, — опять начал Федор. — Главное — дичок. Полгода воюет, а никто в корпусе и похвастать не может, что в руках подержал.

— Один, кажется, пробовал, — скупно улыбнулся капитан. — Пробовал, а потом неделю рожу у санинструктора чинил.

Разведчики засмеялись.

— Я еще не пробовал, — сказал Федор. — Это так, разведка боем.

Грохот заглушил его слова: немцы начали энергичный и бессистемный обстрел. Солдаты попрятались в наспех открытые щели. Прятались они с шутками, уже не испытывая ни страха, ни даже привычного нервного напряжения.

— Пугает фриц напоследок.

— Боекомплект расходует, чтоб драпать легче было!

— Ну, паразит, я тебе эту мину попомню!..

— Сейчас полезут, — сказал генерал и, не обращая внимания на мины, пошел к водонапорной башне.

Мелешко шагал след в след, почти наступая на пятки. Генерал рассердился:

— Что ходишь как тень? Влепит в спину на прощание...

— У вас свой приказ, а у меня — свой, — ворчливо отозвался разведчик.

По шаткой лестнице они поднялись наверх. Башня гудела от разрывов. Генерал приник к стереотрубе, произнес, не оглядываясь:

— Петя, на прямой — в третью бригаду. Скажи, чтоб перестроились уступом справа. И чтоб Голубничий не зарывался!

— Есть, — сказал молодой и очень молчаливый адъютант. Он загрохотал сапогами по лестнице. Навстречу, пыхтя, поднимался полковник Ларцев:

— Куда, орел?

— В третью.

— Передай, что персональное дело Вовченко слушать сегодня не будем в связи с... — Он спохватился, посмотрел на адъютанта. — В общем, переносится.

— Понятно! — сбегая вниз, крикнул Петя. — В связи с тем самым!..

Полковник, отдуваясь, взобрался наверх. Налет кончился, и сразу стал слышен далекий гул танковых моторов.

— Пошли, — сказал генерал. — К перевалу рвутся, черти. Передай Филину, чтоб обороняться и не думал. Пусть наступает левым крылом по ложине.

— Есть, — ответил лейтенант-связист, лично обслуживающий генеральскую рацию. — «Герань», я — «Ландыш», я — «Ландыш»...

— Надоел мне этот цветочный флирт, — вздохнул полковник. — В жизни столько цветов не видел, сколько за войну наслышался. И откуда у связистов такая склонность?

— Ботаники все, — проворчал генерал, не отрываясь от окуляров трубы. — Нахально лезут немцы, очень нахально. Скажите Колымасову, чтоб начинал атаку на мост.

— А не рано? — осторожно спросил полковник.

— Чего тянуть? И так последними остались.

Лейтенант вновь припал к своей рации, вызывая далекого Колымасова:

— «Лютик», «Лютик», я — «Ландыш»...

Слева — совсем рядом — ударили выстрелы. Капитан бросился к пролому, выглянул: стреляли в лесу, метрах в трехстах от башни.

— Что там еще? — недовольно спросил генерал.

— В лесу-то? — не оглядываясь, переспросил капитан. — В лесу минометчики наши стоят.

— Может, немцы просочились? — предположил Ларцев.

— Пошлите кого-нибудь узнать, — нетерпеливо сказал генерал: Колымасов уже начал атаку, и все внимание генерала занимал теперь мост.

Капитан молча спустился вниз. У входа в башню стоял младший лейтенант: его опять обуял страх, что он не успеет выстрелить в этой войне.

— Товарищ капитан, разрешите...

— Возьмите отделение и проверьте, что за стрельба в лесу.

— Есть! — радостно крикнул лейтенантик и, путаясь в шинели, побежал к щелям, на бегу вытаскивая из кобуры тяжелый «ТТ». — Отделение, за мной!..

Он бежал через поле, спотыкаясь и шарахаясь от случайных снарядов. Солдаты вразброд бежали следом, и в беге их было что-то усталое и равнодушное: так спешат на скучную, осточертевшую, но, увы, необходимую работу.

А стрельба в лесу продолжалась. Тренированное ухо уловило бы в этой стрельбе целую гамму звуков. Гулкие винтовочные выстрелы, злую автоматную очередь, сухой и короткий треск пистолетов. Но для мальчика-командира все выстрелы звучали одинаково и говорили только об опасности, и снова — в который раз! — страх погибнуть в последние мгновения войны зашевелился в нем, и, чтобы заглушить его, мальчик вдруг тоненько и одиноко закричал:

— Ура!

Солдаты бежали молча, грузно топая сапогами по сырой земле, а младший лейтенант, размахивая пистолетом, одиноко кричал, пока его не нагнал усатый пожилой сержант.

— Зря вы кричите, товарищ лейтенант, — добродушно сказал он. — Во-первых, фрицы все равно ничего не слышат, а во-вторых, дыхание сорвете.

Вспотев от стыда, младший лейтенант сразу замолчал и опустил затекшую руку с пистолетом. Сердце его билось часто и неровно, но он задохнулся не от крика, а от волнения, потому что был значительно моложе и тренированнее своих солдат — в большинстве пожилых, как это всегда бывало в комендантских взводах.

Они успели пробежать две трети расстояния до леса, когда оттуда густо высыпали люди.

— Ложись! — приказал младший лейтенант, падая на землю.

— Да свои это! Свои! — закричал пожилой сержант.

И опять младшему лейтенанту стало очень стыдно и досадно: его солдаты полукругом стояли над ним, и он встал, пряча глаза и с излишней старательностью отряхивая измазанную шинель.

Солдаты действительно были своими. Они бежали по полю, размахивая оружием, и что-то неразборчиво и недружно кричали. Кто-то стрелял в воздух, кто-то вдруг пустил в небо красную ракету, а вслед за ней — белую, и, когда ракеты эти с шипением поднялись вверх и вспыхнули там, пожилой сержант зачем-то снял пилотку и тихо сказал:

— Вот оно, товарищи. Вот оно... Кончилась, значит, война...

2

— Застрял Колымасов! — гневно сказал генерал. — Сергей, машину!..

Один из автоматчиков, постоянно сопровождавших генерала, кубарем скатился с лестницы.

— Вон в чем дело! — громко сказал Ларцев, наблюдавший за встречей возле леса. — Узнали, обормоты. Ракеты пускают. Разнесут теперь по всему корпусу...

— Предупредить! — крикнул генерал. — Командира — под суд! Под вашу ответственность, Сергей Иванович. — Он оторвался от стереотрубы, поправил фуражку. — Я — к Колымасову.

У башни уже стоял «виллис». Автоматчик сидел сзади. Рядом с ним молча расположился угрюмый Мелешко.

— К Колымасову, — сказал генерал, садясь впереди. — Быстро, Сергей!

Два «виллиса» почти одновременно отъехали от башни: один направился через поле к радостной солдатской группе, до сих пор самозабвенно пускавшей в небо ракету за ракетой; второй спускался вниз, туда, где гулко рвались снаряды.

Пойма реки была густо расчерчена танковыми следами. Жирная весенняя земля, кое-где уже покрытая свежей травой, глухо вздрагивала от частых разрывов. «Виллис» швыряло из стороны в сторону, но водитель не снижал скорости: генерал любил бешеную езду. Пригнувшись к рулю, шофер остервенело крутил его, шестым чувством угадывая безопасное направление. Комья земли стучали в кузов, уже дважды пробитый осколками, но маленькая юркая машина каким-то чудом еще была цела, еще вертелась среди разрывов, рыская из стороны в сторону.

Впереди уже виднелись танки. Они рассыпались за обратным скатом небольшого пригорка, и вражеские снаряды либо летели через них, либо рвались на гребне. Это была мертвая зона, недостижимая для немецкой артиллерии, и танки умело использовали ее.

Чуть в стороне стояла одинокая «тридцатьчетверка». Она не дошла до спасительной черты и теперь — черная, еще дымящаяся — уже не представляла собой ничего, кроме обгоревшей, искореженной груды металла. Сорванная взрывом башня лежала метрах в двадцати от машины, лежала на боку, обнажив ослепительно сверкающий круг отшлифованного погона. Возле нее сидели двое: командир в разорванном комбинезоне, с черным от копоти, сильно обожженным лицом, и второй — без сознания, с забинтованной, как кукла, головой. Генерал на ходу прыгнул с «виллиса», взгляделся:

— Ты, Брянский?

— Фаустники... — Командир с трудом разлепил обожженные губы, и по подбородку сразу потекла кровь. — Фаустники у моста. Трех сожгли...

По остановившимся глазам и слишком мерному, громкому голосу генерал понял, что командир не слышит ни его, ни грохочущих рядом разрывов.

— Отвезешь их, Сергей, — сказал генерал. — Ларцеву передашь, чтобы прислал разведбатальон. Дай молоток.

Он взял молоток и пошел вперед, не пригибаясь, а лишь чуть ссутулив спину и сбив на затылок тяжелую генеральскую фуражку. Разведчик шел за ним, стараясь прикрыть от разрывов, а шофер и автоматчик укладывали в машину раненых танкистов.

Вокруг стояли вой и грохот. Комья земли стучали по генеральским сапогам. Волной сорвало фуражку, он наклонился за ней, и в это время разведчик вдруг резким толчком бросил его на землю и упал рядом, закрывая телом. Над головами с визгом пронеслись осколки.

— Цел? — спросил генерал, поднимаясь.

— Цел, — сказал Мелешко. — Флягу пробило. Жалко.

Он отцепил от пояса флягу. Из рваной дыры с бульканьем вытекала вода.

— Ты на генералов не очень-то бросайся, — ворчливо сказал генерал. — Что за манера — генерала в задницу толкать.

— Вышло так, — без улыбки ответил разведчик.

Они еще раз упали от близко разорвавшегося снаряда, перебежали открытое место, упали снова и вскоре вступили за ту черту, ближе которой снаряды уже не рвались и где приходилось опасаться только осколков или случайных мин.

— Проскочили, — улыбнулся генерал. — Закурим, разведчик?

Он достал помятую пачку «Казбека», с трудом отыскал две целые папиросы. Остальные были поломаны, и он бросил пачку, но хозяйственный разведчик подобрал ее.

— Заклеить можно.

Генерал безошибочно определил танк командира, подошел. Люки были задраены, но сквозь толстую шершавую броню чуть доносилась музыка. Генерал удивленно послушал, а потом наотмашь застучал молотком. Тотчас же откинулся люк, из танка вырвалась мелодия веселого праздничного марша, а потом высунулся молодой офицер. Он был без шлема, с перемазанным пороховой копотью лицом.

— Товарищ генерал? — скорее радостно, чем удивленно, крикнул он и махнул рукой: музыка смолкла.

— Почему стоишь? Почему не атакуешь?

— Мир! Ребята Москву поймали! Мир, товарищ генерал! Приказ Верховного Главнокомандующего...

— Отставить! — Генерал яростно стукнул по броне молотком, и танк загудел гулко и тревожно. — Есть мой приказ! Мой, понятно?..

— Понятно, — тихо сказал офицер. — Виноват...

— Вперед! Подавить огневые точки. Атаковать и взять мост.

— Фаустники

— Вас прикроет разведбат. — Генерал в упор заглянул в погрустневшие глаза офицера, добавил негромко: — Последний бой, Колымасов. Часок еще, а?..

И, словно застеснявшись, повернулся и зашагал к соседнему танку, размахивая молотком...

Больше он не командовал, не кричал, не сердился. Он ходил по изрытому полю, стройный, в ловко сидевшем куцем солдатском ватнике, в щегольских хромовых сапогах, перемазанных жирной землей, стучал молотком по броне и каждому черному, замурзанному танкисту негромко говорил одни и те же слова:

— Последний бой, ребята. Прошу. Очень прошу.

Он просил. Он — горластый и энергичный, резкий, дерзко настойчивый — просил своих офицеров продолжать этот последний, трижды проклятый бой и сам удивлялся мягкости собственного тона. Нет, он понимал, что просить совсем не обязательно, что танкисты беспрекословно пойдут в атаку и по приказу, и по жесту, и даже если он просто выматерит их тремя хлесткими словами. Понимал, но почему-то не мог заставить себя закричать, заругаться, просто рассердиться, как еще совсем недавно сердился на наблюдательном пункте. Здесь, в непосредственной близости от врага, для которого тоже кончилась война, но который почему-то не желал этого признавать, он вдруг почувствовал, что в нем нет сил приказать своим ребятам идти на смерть в день, который вся земля, все страны и народы уже объявили днем величайшего счастья.

Командиры машин — кто молча, кто озорно, а кто и грустно — кивали, захлопывали люки. Ревели моторы, и танки, срывая дерн, ползли по откосу к гребню. Высунув из-за него башни, они открывали огонь, и пороховой дым, смешиваясь с голубыми облаками газойля, медленно сползал в низину.

Вскоре подошел разведбат во главе с молчаливым маленьким капитаном. Выслушав задачу, в которой тоже звучали непривычные просительные нотки, капитан тихо сказал

«Есть», распределил людей по машинам и сам вскочил на танк Колымасова. Танки вздрогнули и, заваливаясь на корму, один за другим стали исчезать за крутым гребнем холма. Генерал снял фуражку и вытер рукавом лоб.

— Закурите. — Разведчик протянул ловко заклеенную папиросу.

Генерал прикурил, сделал несколько затяжек и бросил окурочок:

— Пошли, разведчик.

Они поднялись на холм и легли на скате, глядя на поле боя.

Танки шли, рассыпавшись веером и стреляя на ходу. Местность была сильно пересеченной, и механики, боясь заглушить моторы, жали на максимальных оборотах. Густые клубы выхлопов шлейфами тянулись за машинами, и фигуры разведчиков прятались в дыму.

— Молодец Колымасов, — сказал генерал. — Все учел: даже что воздух в низине сырой.

За изрезанной складками и оврагами низиной виднелся каменный мост. Перед ним в глубоких окопах и развалинах казарм охраны засели немцы. Судя по частоте огневых вспышек, система обороны моста была мощной, заранее продуманной, и генерал остро пожалел, что поторопился и завязал бой, не подтянув артиллерию.

— Огоньку бы сюда, — вздохнул он.

— Поздно, — сказал Мелешко.

Маленькие фигурки уже прыгали с танков и, пригнувшись, перебежали впереди машин, прочесывая кусты и лощинки густым автоматным огнем: там, очевидно, прятались немецкие фаустники. Два танка на левом фланге уже горели: черный дым сплошной полосой тянулся по ветру; два других, забравшись в воронки, вели яростный огонь, но с места не двигались.

— Да, поздно, — вздохнул генерал. — Черт!..

Он вскочил и побежал вперед, и разведчик, неодобрительно покачав головой, пошел следом.

Позднее генерал часто спрашивал себя: зачем он это сделал? Почему, вдруг забыв, что он — командир корпуса, что в его руках мощнейшие средства уничтожения, которые только ждут сигнала, чтобы обрушиться на врага (его сигнала!), — он полез в бой на узком участке, словно был еще тем молодым выпускником бронетанковой академии, которым закончил еще финскую, — неопытным и горячим комбатом? Да, его беспокоили и затяжка боя, и нерешительность танкистов, и удивительная в конце войны стойкость немецкой обороны. И все-таки не это было главным.

Уже двенадцать часов, половину суток, был мир. Мир! Двенадцать часов вся Европа пела и плакала, танцевала, целовалась, ликовала и пьянствовала, потому что большей радости, большего торжества и облегчения не знало человечество за всю свою неласковую историю. А здесь, на этом узком, безлюдном горном перевале, повинуюсь его приказу, еще умирали люди, и в этот страшный и до ужаса несправедливый час он хотел быть рядом со своими ребятами, он хотел разделить с ними опасность, он просто не имел права уйти на НП и считать оттуда, сколько еще факелов зажгут немецкие истребители из его «тридцатьчетверок».

Они прошли совсем немного, когда немцы накрыли их густым минометным огнем. Это были не случайные мины, а систематический и беспощадный огонь по площади: видно, немцы, опасаясь подхода свежих пехотных частей, отсекали их от слепых и беззащитных перед фаустниками танков.

Генерал и разведчик упали рядом, потом перебежали в мелкую канаву, и разведчик толкнул в нее генерала, а сам навалился сверху и лежал не шевелясь, и, только когда наконец налет кончился, генерал понял, что разведчик мертв.

Он встал и долго смотрел на окровавленный, иссеченный осколками ватник солдата, на его совсем недавно подстриженный затылок, все время машинально смахивая со своего лица кровь, стекающую с рассеченного лба. Потом глянул вперед: там еще слышались выстрелы, рев танков, но опытное ухо уже ловило какой-то перелом. Он всмотрелся и понял: Колымасов ворвался на мост.

3

Через час, когда все было кончено и он — уже без ватника, с чистой повязкой на голове — сидел на пункте связи, адъютант доложил, что немецкий генерал хочет сказать несколько

слов. Он молча поднялся, но ответить не успел, потому что Ларцев, посмотрев на него, буркнул:

— Пусть войдет. — А когда адъютант вышел, добавил тихо: — Война кончилась, между прочим. Четырнадцать часов назад.

Вошел немецкий генерал — еще нестарый, сутулый, длиннорукий человек со смертельно усталым, безжизненным лицом. Рука его была на перевязи, и поздоровался он молчаливым кивком. Не ожидая вопросов, начал говорить: сухо, почти без интонаций. Невозмутимый переводчик еле успевал переводить.

— Он — не нацист, он — кадровый офицер. Вермахт. Он никогда не был поклонником Гитлера. Он понимает, что это обстоятельство никоим образом не может облегчить его участь, и готов ехать в Сибирь. У него одна проблема, которую он рискует изложить, зная о благородстве русского командования. В этот радостный для всех день окончания войны он просит сообщить его семье, которая проживает в Кёльне...

— Вот почему он так на запад рвался! — негромко сказал полковник.

— Он надеется, что советское командование не откажет ему.

— Есть в немецком языке слово «подлец»? — вдруг звонко перебил генерал. — Есть?

— Так точно, товарищ генерал, — несколько смешался переводчик.

— Ну так скажите ему от моего имени, что он — подлец. Подлец и убийца.

Переводчик громко и ясно, стараясь передать интонацию генерала, перевел фразу. Немец медленно поднял голову, его землистое лицо порозовело.

— Увести! — коротко бросил генерал и отвернулся.

Немец сказал что-то еще, но переводчик не стал переводить, и пленный, ссутулившись больше прежнего, медленно вышел, шаркая усталыми ногами...

4

Вечером, когда подтянулись тылы, а расторопные старшины натащили вина и водки, корпус праздновал Победу. Разноголосые песни неслись по всему расположению, и, хотя генерал категорически запретил стрельбу, кое-где вдруг раздавались очереди, и тихое небо распарывали стремительные всполохи трассирующих пуль. На выстрелы немедленно устремлялся трезвый, а потому особенно беспощадный патруль, виновника тут же обезоруживали и направляли в глухой подвал под развалинами усадьбы. Впрочем, это никого не огорчало.

Младший лейтенант сам напросился в патруль. Все равно знакомых у него в корпусе не было, а перспектива бесцельно шататься среди празднующих людей была куда горше суровых обязанностей начальника патрульной команды. И младший лейтенант исполнял эти обязанности ревностно и строго. А дел было много, потому что праздновали все, кроме дежурного батальона, медсанбата да похоронной команды, в последний раз исполняющей свою невеселую работу. Командир ее — прихрамывающий пожилой старшина — укоризненно поглядывал на ликующих танкистов и вздыхал:

— Тризна...

Разведчики праздновали вместе с бригадой Колымасова не только потому, что давно дружили с нею и с ее всегда вежливым командиром, но и потому, что последний бой им пришлось вести вместе и общей была не только радость, но и печаль. Здесь не было шума и веселья: празднество было сдержанным, тосты — скупыми, а песни — печальными. И танкисты и разведчики никак не могли забыть своих Юрок, Володек, Васек и Игорьков, сгоревших, убитых или искалеченных уже после войны, что представлялось особенно нелепым и несправедливым.

Группа офицеров расположилась прямо на земле, раскинув пару огромных танковых брезентов. Бутылки с водкой и спиртом, бочонок местного вина и американские консервы вперемежку с трофейными галетами стояли в центре, а офицеры — в большинстве своем еще молодые, потому что и сам род войск был еще молодым, — либо лежали, либо сидели по краям, скинув сапоги. Не было шуток, не было обычного балагурства, хотя выпито было достаточно, да и праздновали не что-нибудь, а День Победы.

— Гришку по-глупому сожгли, — негромко говорил низенький крепыш капитан, сидевший рядом с задумчивым Колымасовым. — Я крикнул ему, что слева в кустах шевеление какое-то: может, фаустник, а он то ли не понял, то ли...

— А бывает так, что по-умному жгут? — спросил белоголовый молодой лейтенант и сам же ответил: — Жгут всегда по-глупому, всегда нескладно как-то, вот что я вам скажу.

— Гришка знал, что мир подписан, — не слушая, продолжал капитан. — Знал — вот ведь что обидно!.. Дерни он тогда чуть правее.

— Правее, левее — один черт, — сказал Колымасов и налил себе водки. — Ну, не Гришку бы сожгли, а тебя или меня, но ведь непременно бы сожгли: ППП.

— Что — ППП? — спросил лейтенант. — Пушка, что ли, какая?

— ППП — процент предполагаемых потерь. Ты еще с механиком в шахматы играешь, а ППП уже подсчитан.

— Процент... — вздохнул капитан. — Давай, Колымасов, за них и выпьем, будь этот процент трижды неладен.

Они выпили, а лейтенант сказал весело:

— А я знал, что меня сегодня не тронет. Верите, товарищ майор? Точно знал!

— Верю, — сказал Колымасов. — Лет до тридцати человек всегда в это верит, потому-то в разведку только молодых и отбирают. А с тридцати человек не только верить — думать начинает. Стихийно диалектику познавать... Скажи, Юра, чтоб ребята фары включили: не видно ни черта.

Лейтенант поспешно поставил кружку и босиком, как сидел, побежал к танкам. Вспыхнули два луча, перекрестие упало на брезент.

— Храбро живете, — негромко сказал кто-то по ту сторону лучей. — А ну как налет?

В освещенный круг вступил маленький капитан-разведчик. Правая рука его была на перевязи.

— Садитесь, капитан, — вежливо сказал Колымасов. — Место разведке, ребята.

Танкисты подвинулись. Капитан и сопровождавший его рыжеватый Федор Гонтарь сели на брезент. Колымасов налил им водки.

— Отпустили, значит, вас ради такого дня?

— Сбежал, — улыбнулся капитан. — Спасибо, Федор помог. Ну, танкисты, за победу. И за то, что живыми остались.

Все молча, торжественно выпили. Капитан поставил кружку, полез за пазуху неизменного ватника и вытащил помятый журнал.

— Разведчики мои в немецкой машине нашли. — Он протянул журнал Колымасову. — Кажется, по вашей части.

— «Вопросы археологии?» — удивился Колымасов.

Странно улыбаясь, он смотрел на журнал, разглаживал помятую обложку, любовно, по буквам вчитывался в каждое слово. Руки его чуть вздрагивали, а глаза стали добрыми и печальными.

— А где же мои разведчики? — негромко, чтобы не мешать Колымасову, спросил маленький капитан.

— Там, за танками, — пояснил лейтенант. — Мы их к себе приглашали, да они, видно, застеснялись...

— Девочек у вас нет, потому и застеснялись, — развязно сказал Гонтарь, выковыривая финским ножом консервированную колбасу. — Что это вы, танкисты, насчет слабого пола не сообразили? В монахи записались, что ли?

— Слабый пол во вторую бригаду подался, — сказал капитан-танкист. — Там старший лейтенант Огурцов под гитару хорошо поет, аккордеонист имеется. А у нас теперь тихо. От нашей музыки один баян остался, а баянист вместе с экипажем на тот свет перекочевал.

— Женька-то, оказывается, уже кандидатом стал! — удивленно воскликнул Колымасов, просматривая журнал. — Кандидат исторических наук Евгений Фадеев. На одном курсе учились, и — на тебе! — уже кандидат.

— Ничего, Колымасов, ваше от вас не уйдет, — сказал маленький капитан. — Как вернетесь в гражданку да звякнете орденами, так вам не то что кандидата — академика сразу дадут!

— Звякнешь...— вздохнул Колымасов. — Наши ордена для археологии лет этак через пятьсот в цене будут, не раньше. — Он полистал журнал. — А пометочки на полях — немецкие! Видно, тоже археолог в руках держал...

Гонтарь доел консервы, спрятал нож и неслышно поднялся с брезента.

— Куда, Федор? — спросил капитан, не оглядываясь.

— Да так. — Федор деланно зевнул. — Ребят навещу. Вы тут будете?

— Пока тут.

— Я скоро вернусь, — сказал Федор и исчез в темноте.

Он обогнул танки и обошел стороной разведчиков и танкистов, точно так же сидевших на брезенте вокруг пайковой закуски и праздничной выпивки. Он сразу пошел на шумные выкрики и звуки аккордеона: там слышались женские голоса.

Женщин в корпусе было немного: санитарки, связистки, переводчицы. Всех звали по именам, и только непосредственно начальники по долгу службы именовали их торжественно и бесцветно: «товарищ лейтенант» или, по крайности, «товарищ такая-то». Для всех прочих они были просто Людами, Анями, Шурочками, и относились к ним со сложной смесью дружеской непринужденности, мужского достоинства и — чуточку — легкомысленного волокитства. Всем давно были известны имена счастличиков, имевших право на нечто большее, чем дружеский поцелуй, но, уповая на переменчивое воинское счастье, за женщинами всегда ухаживали. И только про одну — про ефрейтора Раечку с корпусной радиостанции — не знали ничего даже самые квалифицированные корпусные кумушки: или она действительно не крутила быстротечных фронтовых романов, или была невероятно хитра.

Вот ее-то и искал наглый, ловкий, смелый до безрассудства сержант Гонтарь. Искал у костров и в бледных лучах фар, заглядывал в машины, чудом уцелевшие постройки, окопы, не поленился даже подняться на водонапорную башню, но Раечки нигде не было.

— Кого ищешь, разведка? — окликнули танкисты. — Шагай к нам, спиритиком угостим!..

Федор не отозвался. Чем дальше он искал, тем все больше разгоралась в нем поначалу смутное желание увидеть черненькую девчонку-радистку — «недотрогу», «дичка», «монашку», как звали ее в корпусе. Он знал ее ближе других: как-то, пользуясь безнаказанностью бывалого и удачливого разведчика, он полез к ней, но отпор был таким яростным, таким злым, молчаливым и убедительным, что Федор отступился от дикой девчонки, унося на лице следы активной обороны. Именно об этом случае напомнил сегодня капитан, и уже тогда Федор решил, что должен смыть это позорное пятно с репутации первого в корпусе сердцееда.

«Валяется с кем-нибудь, — зло думал он. — Не может быть, чтобы не обломали: война. Не может этого быть...»

Теперь он искал ее в других местах: в гуще кустов, в темноте. Бесшумно, как в поиске, скользил по опушке, и ни одна ветка не хрустнула под его ногой.

— Не надо, — ясно сказал во тьме женский голос. — Ну, прошу тебя. — Прощу, Костя...

— Лови мгновение...— хрипло сказал мужчина. — Ну, душой не будь.

Федор шагнул на голос, остановился: где-то совсем рядом были люди. Он слышал мужское дыхание, тихий, короткий и счастливый смешок женщины. Вглядевшись, различил силуэты, достал фонарь — и вдруг осветил их ярким узким лучом.

Девушка в форме сидела на офицерской накидке, прислонившись спиной к дереву. Короткая юбка соскочила с подтянутых к груди колен, в луче ослепительно белели полные ноги. Девушка испуганно заморгала и прикрыла лицо рукой, и лейтенант с фатовскими усиками закричал:

— Гаси свет! Чего фары вылупил?..

Это был командир минометчиков, получивший прощение в связи с Днем Победы. Узнав его и девчонку, Гонтарь сразу погасил фонарь.

5

В штабе шестой раз пили за Победу и седьмой — за Верховного Главнокомандующего. Корпусное начальство отмечало великое событие тоже на свежем воздухе. Саперы соорудили несколько длинных столов и скамеек, которые прикрыли брезентом, а техники развесили над столами гирлянды танковых переносок.

Генерал пил мало, ссылаясь на головную боль. Но по тому, как он сидел, говорил, ел и улыбался, замполит, а тем более адъютант поняли, что генерал невесел по какой-то более весомой причине.

— Гляжу я на вас, молодежь, а думы у меня странные, — негромко говорил Ларцев. — Вам бы учиться, цветы бы девушкам дарить, о поцелуях мечтать, а вы в крови да в порохе который уж год. В крови да в порохе...

— Не мы одни! — весело отозвался комбриг Голубничий.

— Правильно, не вы одни. Две юности Родина наша этой войне отдала: ту, что начинала ее в сорок первом, и — вас, что закончила. Будь я скульптор, я бы памятник такой поставил. Двум юностям: сорок первого и сорок пятого. Самый большой памятник в самом центре Москвы...

Генерал не слушал, о чем говорил Ларцев. Перед ним сидели его ребята, его опора, его сила и гордость. Он знал каждого куда глубже и основательнее, чем отец знает своих сыновей. Толстенький, всегда сонный Филин не любит риска, медленно и неохотно принимает решения, но упрям, цепок и исполнительен. Он незаменим в обороне, хорошо держит фланги, но его нельзя первым бросать в атаку: затянет, будет оглядываться на тылы, на соседей, потеряет темп. Он хорош для развития успеха, когда противник еще не сломлен, но уже оглушен: вот тогда Филин развернется и методически добьет очаги сопротивления. И вот здесь-то его опять надо сдерживать и вовремя заменить Голубничим: тот горяч без оглядки, любит стремительную атаку, преследование, бой в глубине. Но и первым его не бросишь: чересчур увлекается ближайшей задачей, забывает о соседях, зарывается, и тогда умный противник фланговой атакой легко может сбить его, а то и вообще отрезать от своих, что однажды и случилось...

— Разрешите, товарищ генерал? Прошу извинить за опоздание.

Колымасов. В грязных сапогах, мятой гимнастерке: поздравить зашел. Вот и пиши в характеристике, что он недостаточно дисциплинирован, что у него неуставные отношения с подчиненными, что, в сущности, он археолог, глубоко штатский человек. А у Колымасова никогда вчерашний бой не похож на сегодняшний, он плохо знает уставы, но легко схватывает и точно оценивает обстановку. Он никогда не растеряется во встречном бою, он незаменим для первого удара, когда еще неизвестно, какие карты выкинет на стол противник. А на формированиях у него всегда ЧП, потому что строевик он никудышный...

Он поймал себя на мысли, что как-то странно, однобоко судит о своих друзьях. Судит так, словно на рассвете предстоит бой. А бои кончились. Кончились надолго, очень надолго. Он был военным и прекрасно понимал, что после такой войны перерыв неизбежен: слишком много жизней, сил и средств унесла она с собой.

Ну бог с ней, с войной, она кончилась. Кончилась на тех высотах, где лежат его танкисты и разведчики маленького капитана Рыжикова. Не думал он, никогда не думал, что последний бой будет уже после войны.

А все-таки хорошо, что именно Колымасов шел в головной походной заставе. Если бы Филин — немцы наверняка прорвались бы через перевал: он топтался бы, постреливал, послал бы на фланги разведку и, конечно, упустил бы время. А Голубничий ринулся бы во фронтальную атаку, с упоением громил бы заслон, затеял бы преследование, забыв обо всем на свете, и тот худой вермахтовский генерал только бы посмеивался в машине, удирая на запад. А археолог сразу нащупал главное. Нащупал, оседлал и запер немцев в лощине. Нет, уж если еще предстоит бой, он найдет Колымасова в любом университете, стащит с любой кафедры: бои выигрывают характеры, а не анкетные данные.

Странно: высоко ценя Колымасова как командира, он совершенно не знал его как человека. Они никогда не говорили на внеслужебные темы, никогда не сталкивались,

кажется, даже не выпили ни разу за все время совместных боев. Генерал попытался вспомнить, как зовут Колымасова, и не вспомнил. Вспомнил о другом.

— Адрес, откуда разведчик, записал? — вдруг отрывисто спросил он у адъютанта.

— Мелешко? Записал, товарищ генерал. Он с Донбасса, шахтер.

Полковник положил ему руку на плечо:

— Не казись, Алексей Николаевич. Ну, случилось.

— Самоходки. — Генерал круто повернулся к нему. — Почему я не подтянул самоходки, а? Почему? Все поскорее захотелось, как-нибудь, только поскорее.

Он вдруг встал, вылез из-за стола. Адъютант рванулся было следом, но генерал остановил его:

— Сиди. Я в медсанбат.

6

Прочесав местность вокруг расположения и спугнув при этом еще одну парочку, Федор опять вышел к мрачной полуразрушенной башне. Здесь он пережил минный налет, отсюда пошел в последний бой, по этому откосу, подобрав юбку, бежала черноволосая радистка... Он посмотрел в низину, где должны были стоять машины радиостанции, и увидел их. В маленьком окошке чуть светилась полоска: видно, плохо прилегала светомаскировочная штора.

Он беззвучно подкрался к машине, тронул дверь, понял, что она заперта, и постучал. Постучал громко, как стучит человек, пришедший по делу.

— Кто там? — спросили из-за двери, и он узнал ее голос.

— Генерал зовет, — как можно проще сказал он. — Все собрались, а тебя нет.

— Генерал? — удивленно спросила девушка. — Какой генерал?

— Ну, наш, конечно. Других не держим.

— Я сейчас! Сейчас!..

В другое время он обратил бы внимание на ее радостно зазвеневший голос, но тогда ему было не до этого.

— Живее, — сказал он. — И так хороша.

Она открыла дверь, и в тот миг, пока еще горел свет, он успел увидеть ее сияющее лицо. Потом она захлопнула дверь, и свет погас.

— Куда идти?

— Там, за башней, — сказал Федор. — Иди вперед.

Она быстро, не оглядываясь, стала подниматься к башне.

— И что это он обо мне вспомнил?

По голосу Федор понял, что радистка улыбается, и рассердился:

— Значит, приглянулась. Данные показала вовремя.

Она промолчала. Федор шел сзади. Он ни о чем не думал и только чутко вслушивался в звонкую ночь, пытаясь определить, нет ли поблизости людей. Один раз, правда, мелькнула мысль, что это — преступление, но он тут же отогнал ее: «Постесняется жаловаться. А если и пожалуется — простят. Победа — хорошие все...»

Наверху, у башни, она остановилась. Оглянулась удивленно:

— Дальше?

Он молча бросился на нее. Бросился сзади, со спины, уверенным приемом швырнув навзничь. Навалился, левой рукой зажав рот, правой рвал вверх узкую юбку.

Она, лежала, не шевелясь, потеряв от неожиданности способность сопротивляться. Он, собственно, и рассчитывал на это, но девушка пришла в себя скорее, чем он предполагал, и рванулась с такой силой, что отбросила его в сторону. Федор кинулся снова, но она ловко оттолкнула его ногами, а когда он вскочил, сказала громко и ясно:

— Стрелять буду!

Он не поверил, шагнул, и сейчас же перед глазами ослепительно вспыхнуло пламя, пуля взвизгнула совсем рядом. Федор инстинктивно отпрянул, и девушка выстрелила еще — уже в воздух. Он остановился, тяжело дыша:

— Ненормальная...

— Уходи, — громко сказала она. — Застрелю!

Луч света упал на землю, осветив радистку. Она сидела, подобрав ноги и вытянув вперед руку с пистолетом; перепачканная землей юбка была взбита выше колен.

— Встать! — звонко крикнул командир патрульной команды, младший лейтенант. — Сдать оружие!..

7

Медсанбат уже свертывал работу: тяжелых отправили в госпиталь, легких обработали и разместили, и поэтому генерал не стал задерживаться там. Мягко, но решительно отклонив приглашение врачей отметить «последний рабочий день», как сказал начальник медслужбы, он пошел по расположению, стараясь не смущать людей внезапным появлением.

И все-таки он мешал им. Наиболее разбитные или подвыпившие многословно и истово клялись ему в преданности; скромные и трезвые замолкали при его появлении и невольно тянулись, несмотря на его протесты. Поэтому генерал вскоре стал избегать освещенных и многолюдных мест и медленно бродил в одиночестве.

— А меня-то за что? — вдруг возмущенно сказал в темноте мужской голос. — Она стреляла, ее и берите. А меня-то за что?

— Не разговаривать! — Второй голос был начальственно звонок и юн. — Там разберутся.

— Ну, ради праздничка, младший лейтенант...

Люди шли прямо на него, и генерал посторонился.

— Кто здесь?

Вспыхнул фонарь, и тут же младший лейтенант испуганно и радостно заорал:

— Смирно! Товарищ генерал...

— Вольно, вольно, — поспешно сказал генерал, с удивлением глядя на девушку, стоявшую между двух автоматчиков. — В чем дело?

— Задержаны за стрельбу в расположении части.

— Отпустите. Если никого не ранили, то отпустите.

— Есть! — громко сказал младший лейтенант (он так и не погасил фонарь, висевший на груди). — Получите документы.

Разведчик схватил книжку и тут же нырнул в темноту. А девушка сердито смотрела на младшего лейтенанта.

— Верните оружие.

— Младшему командному составу иметь трофейные браунинги не положено.

— Это подарок, — резко сказала девушка. — Товарищ генерал, подтвердите, что это подарок.

Генерал удивленно взял у младшего лейтенанта пистолет, повертел его.

— Восьмого марта этого года вы лично подарили мне, товарищ генерал, этот пистолет. Помните, когда немецкие автоматчики вышли на узел связи и мы два часа отстреливались.

— Да, да, — сказал генерал, так и не вспомнив этого случая. — Только не стреляйте зря.

— Я не зря, — тихо сказала она, пряча пистолет в карманчик юбки.

— Разрешите следовать дальше? — опять гаркнул горластый младший лейтенант.

— Пожалуйста.

— За мной, шагом марш!..

Фонарь погас, солдатские шаги глохли в темноте. Генерал стоял на прежнем месте, чувствуя, что девушка тоже стоит тут же. Надо было что-то сказать ей, может быть, поздравить с Победой или выругать за стрельбу, но он ничего не стал говорить. Просто постоял и пошел, стараясь по-прежнему держаться от людей подальше.

Он никак не мог понять, почему ищет одиночества. Он не привык к нему да и не любил, будучи человеком деятельным и общительным. С первого дня войны он утратил одиночество, потому что потерял семью и остался один на свете, совсем один, даже без дальних родственников. Дважды ему предлагали отпуск, но он отказывался и снова шел к людям, искал их, искал связанную с ними деятельность, которая настолько заполняла жизнь, что в сутках с трудом выкраивались считанные часы на сон. И вот сегодня ему вдруг захотелось уйти ото всех, забыться, остаться наедине с собой. Не думать, нет, просто сидеть где-нибудь в тиши, расслабить нервы, курить и глядеть в небо...

Он остановился, прислушался: ночь была полна звуков, но звуки были далеко: где-то еще горели костры, светили фары, где-то еще никак не могли угомониться люди, отвоевавшие войну. А здесь было тихо, и поэтому он сел на землю и закурил, по привычке пряча папиросу в кулак.

Тихий, однообразный, с детства знакомый скрип послышался совсем рядом. Фыркнула лошадь, ленивый, прокуренный голос сказал:

— Но, милая! Шагай...

Мимо генерала медленно проплыли расплывчатый силуэт подводы, мерно мотающая головой лошадь, фигура возчика. От всего этого веяло миром, крестьянской привычной неторопливостью.

— Ты, Маркелов? — спросили из темноты.

— Я, Степан Иванович, — буднично ответил возчик. — Последних везу: одни фрицы остались.

— Немцев завтра уберем, отдыхай. Спиртику я раздобыл: у Егорыча спросишь.

— Спасибо тебе, Иванович. Но, сонная!..

Фыркание лошади и скрип замирали вдаль. Мимо генерала шел кто-то приземистый, почти квадратный, припадая на правую ногу. Всмотрелся в генерала, шагнул:

— Нет ли огонька, солдат?

Генерал вынул зажигалку.

— А махорочки дашь?

По голосу он узнал в неизвестном Степана Ивановича.

— А чего ж не дать? — добродушно сказал Степан Иванович и сел рядом. — Закуривай. Махорочка добрая, моршанская. Я в нее доннику для запаха сыплю: чуешь, как пахнет-то? Из дому шлют донник.

Генерал оторвал газетную полоску, насыпал махорки, свернул толстую, рыхлую папироску. Щелкнул зажигалкой, и оба закурили, с удовольствием затянувшись сладковатым сизым дымком.

— Все празднуют, а вы работаете? — спросил генерал.

— Работаем, — подтвердил Степан Иванович. — Такая уж наша работа. Завершающая.

Они помолчали. Степан Иванович, вздохнув, добавил:

— Дай бог, чтоб последней она была. Хватит уж зарывать. Рожать надо.

Только сейчас генерал понял, что рядом сидит начальник похоронной команды. Понял и нерешительно, с трудом спросил:

— Много сегодня... работы?

— Много. Если, конечно, с чем сравнивать, но для последнего дня, прямо скажу, многовато.

Генерал молчал. Курил, опустив голову, внимательно разглядывая огонек сигарки.

— Целые большей частью, — вдруг добавил Степан Иванович. — Целые — значит, на пулеметы шли, под пули. Пулеметы, понимать надо, у немцев еще действовали, не подавили их, значит. Обидно.

— Да, — с трудом сказал генерал. — Надо бы самоходки.

Они долго сидели молча. Потом Степан Иванович поднялся, втоптал в землю окурки:

— К мужикам пойду. Попразднуем. Может, с нами?

— Нет, — сказал генерал. — Спасибо.

— Ну, счастливо тогда. — Степан Иванович шагнул в темноту, остановился. — Ты, товарищ генерал, не обижайся. Я тебе правду сказал: горячий ты больно мужик.

Шаги старшины заглохли в темноте, а генерал все еще сидел, опустив голову. Цigarка тлела в руке, но он не замечал ее, пока огонь не обжег пальцев. Тогда он бросил окурочок и резко поднялся. Показалось, что какая-то фигура мелькнула рядом, и он окликнул:

— Кто там?

Но никто не отозвался. Генерал поправил фуражку и быстро зашагал туда, откуда ехала подвода, — в низину, по которой днем с таким мастерством провез его на «виллисе» Сергей.

Тогда сзади сидел Мелешко с автоматом на шее. Их сильно швыряло в мелком кузове, и однажды Мелешко больно ударил его диском автомата по затылку. Тогда генерал не обратил на это внимания, а теперь только и думал о разведчике, вспоминая каждую мелочь...

«Ну, как же, как же я самоходки не вызвал?! — почти с отчаянием подумал он. — Всего-то на три часа дела...»

По этой дороге сегодня провезли Мелешко назад — на высоты, что позади расположения. Генерал сам приказал вырыть там могилы, сам отрядил батальон для торжественных похорон. Сам...

Черная глыба развороченного взрывом танка четко выделялась на сером фоне неба. Генерал остановился: в темноте тускло виднелась обкатанная дорожка башенного погона. Здесь сидел обгоревший лейтенант Брянский, обняв потерявшего сознание заряжающего. Заряжающий так и не пришел в себя и завтра ляжет на высотах, а Брянский уже отправлен в тыл. Жить будет, слышать — никогда, как сказал начальник медслужбы; в корпусе все знали Брянского: он писал стихи для «Боевого листка».

Отсюда они с Мелешко уже шли вдвоем. Здесь их накрыло минами, и разведчик толкнул его и сам упал сверху, прикрывая от осколков. Здесь они закурили. Здесь стоял танк Колымасова...

И снова какая-то тень мелькнула сзади. Генерал остановился, прислушался, на всякий случай дослал в ствол патрон и окликнул:

— Кто?

И опять никто не отозвался. Может, ему показалось, может, бродил по полю чудом уцелевший немец, может, адъютант крался сзади, проявляя бдительность. Но кругом было тихо, и генерал опять сунул пистолет в кобуру и пошел вперед.

Он поднялся на гребень холма, за которым прятались танки и откуда он наблюдал за боем. Вот здесь они лежали: кажется, на мягкой земле еще сохранились лунки от локтей. Здесь они лежали, а там, в низине, Колымасов и разведбат штурмовали неподавленные огневые точки...

«Многовато для последнего дня, — сказал Степан Иванович, и генерал опять услышал эти слова. — И целые все. Целые».

Как же, как он не подтянул самоходки?!

Именно здесь он понял, что поступил опрометчиво, но было уже поздно: Колымасов рвался на мост, приглушив в приемниках ликующий голос Москвы. Понял, и это страшное открытие заставило его побежать туда, где гремел бой, где гибли его солдаты. Где-то здесь их накрыло вторым минометным шквалом, где-то здесь они упали, а потом перебежали вперед, и там молчаливый разведчик принял в широкую спину все причитающиеся генералу осколки. Где-то здесь...

Он ходил по полю и никак не мог найти этого места. Хотел найти, очень хотел, но не нашел: все было изрыто воронками.

Не найдя места, где погиб Мелешко, генерал пошел вперед, к мосту. Утром он не был там потому, что идти было уже бессмысленно, и еще потому, что смерть разведчика глубоко поразила его. А тут как раз подскочил адъютант и увез его в медсанбат на перевязку. А пока его перевязывали, бой кончился.

Теперь он шел по предполью, которое проверила и изучила когда-то немецкая охрана моста и которое так умело использовали немцы во встречном бою. Здесь был пристрелян каждый кустик, каждая выемка, каждый квадратный метр. Здесь его танки не просто шли на сближение: они метались, то круто сворачивая в стороны, то замедляя скорость, то

скатываясь в ложбинки. Танки вели себя как солдаты, попавшие под обстрел, и поле перед мостом было вдоль и поперек исчерчено их тяжелыми следами. Следы стекали в складки, пересекались, забегали на склоны, но всегда далеко оставляли в стороне кусты, потому что именно оттуда могло вдруг полыхнуть желтое пламя фаустпатрона.

Но и кусты не оставались целыми. Голые, с поломанными сучьями, они насквозь были прошиты автоматными очередями танковых десантов. В одном месте среди них ничком лежал убитый немец. Руки его еще обнимали черную трубу, в которой торчал фаустпатрон; он так и не выстрелил, этот немец, и какой-то экипаж поил, наверно, разведчиков сегодня вечером. И поодаль валялся немец и еще трое возле развороченной взрывом пушки, и генерал вдруг радостно подумал, что наших совсем не видно, но тут же вспомнил, что их уже увезли, а немцев просто оставили до утра.

Да, их вывезли. Всех: черный, обгорелый танк памятником высился над раздавленной пушкой. Генерал посмотрел на белевший в темноте номер, ощутил стойкий, еще не выветрившийся запах горелого металла, пороха, мяса и снял фуражку.

Дальше он нес ее в руке. Медленно бродил по полю, подходя к каждому танку — молчаливому, черному, печальному. Негромко прочитывал номер, вспоминал за этим номером чаще всего безымянные молодые лица и шел дальше, перешагивая через трупы, спотыкаясь о разбросанное оружие.

Так он вышел на передний край и остановился. Кругом в полуразрушенных блиндажах и окопах лежали трупы, валялось оружие, рассыпанные боеприпасы, и казалось, что сама земля еще вздрагивает от гула, грохота и рева танковых моторов. Звуки эти вдруг с такой силой обрушились на него, что он поспешно сел, вздрагивающими пальцами доставая папиросу.

Да, это был крепкий орешек, это предмостное укрепление. Охрана построила его загодя, продумав систему огня, создав узлы противотанковой обороны, отсечные позиции, кинжальные пулеметы. Неподавленные пулеметы, на которые грудью шли его разведчики. Он легко представил себе, как капитан, показывая пример, первым спрыгнул с брони, как бежал вперед, уже не ложась, навстречу шквальному огню. Как, приседая после выстрела, часто и резко били танки, как горели они, нарываясь на фаустников, как из люков выбрасывались живые факелы и катались вот по этой сухой, черной, пережженной, как порох, земле...

Ну, почему, почему он не вызвал самоходки?!

Кажется, он застонал. Застонал в голос, потому что из мрака вдруг выросла маленькая фигурка, и девичий голос робко спросил:

— Что с вами?

— Кто? — Он инстинктивно схватился за пистолет.

— Это я, я, ефрейтор Брускова, — поспешно сказала черненькая радистка.

Она стояла перед ним как положено — руки по швам. Стояла внизу, у подножия чудом уцелевшего бруствера, на котором он сидел, и головы их поэтому были почти на одном уровне.

— Садись, ефрейтор, — сказал генерал и отвернулся, поспешно смахивая ненужную слезу.

Она присела, снизу вверх глядя на него. Он не удивился, он даже не подумал, почему вдруг ночью на поле боя оказалась эта тоненькая робкая девчонка. Молча достал папиросу, молча закурил, скрывая глубокий и горький вздох.

— Не надо, — тихо сказала она, и он почувствовал ее руку возле своей, рядом. — Пожалуйста, не надо. И неправда все это, совсем неправда! Он напрасно, старик этот, он со злости наговорил вам. Может, он вообще злой...

— Злой?.. — Он слышал и не слышал, что она говорит, потому что сейчас все слова словно просеивались сквозь его мысли, не застревая. — Самоходки. Понимаешь, самоходки надо было подтянуть. Главное, Филин держался. Не только держался — в атаку двумя батальонами перешел и сковал бы немцев, не дал бы им развернуться, понимаешь? А я бы тем временем... Э, да что говорить! Я же одного Колымасова с разведчиками сюда бросил. Одного!

Он говорил и говорил — горячо, четко, последовательно. Он рассказывал ей о бое, которого не было, но который мог бы быть, если бы он не погорячился. Рассказывал точно, с цифрами, с полным расчетом времени, с направлением главных и отвлекающих ударов, с возможными действиями противника и с теми контрмерами, которые он применил бы, отвечая на эти действия. Она слушала, широко раскрыв глаза, ничего не понимая, но живо и заинтересованно кивая на каждое его «понимаешь?»:

— Да. Да. Да.

Он вел весь бой до конца. Весь, расписанный по минутам. Он подавил огневые точки и блокировал фаустников мощным минометным огнем. Он оттянул немецкие резервы на Филина, послал Голубничего в глубокий обход и только тогда бросил Колымасова на мост. Он овладел мостом легко, одним решительным ударом. Он рассчитал время: лишних три часа боя. Он прикинул потери; они, по его расчетам, были в десять раз меньше, чем на самом деле.

Ну, почему, почему он не подтянул самоходки?

Ему было все равно, кому он рассказывает. Ему надо было выговориться, освободиться от сосущего, тревожащего чувства тоски и неуспокоенности, найти привычное душевное равновесие. Ему казалось, что стоит только рассказать кому-нибудь, как он мог провести этот бой, и он сразу обретет желанный покой. Но он выговорился, а тоскливая тревога так и не проходила, и, поняв, что она не пройдет никогда, он замолчал, замкнулся, насупился, закуривая новую папиросу.

— Не надо, — опять тихо сказала девушка, и он почувствовал, как ее рука осторожно коснулась его руки. — Не надо, пожалуйста, не надо, прошу вас.

— Что не надо? — с горечью спросил он. — Немецкого командующего убийцей назвал, а что с волка взять? Что с волка взять, когда сам...

— Молчи! — Она крепко сжала и даже чуть дернула его руку. — Не смей так говорить, даже думать так не смей, слышишь? Ты разгромил их, последних, самых последних, слышишь? И войны больше нет, совсем нет, нигде нет! Тихо кругом, совсем тихо, вот послушай, как тихо кругом...

Она тоже говорила горячо и непоследовательно и не понимала, что говорит. Она знала только, что наконец-то сидит рядом с тем, с чьим именем засыпала и просыпалась вот уже почти год, о ком не смела думать, а только мечтала, кто заговаривал с нею всего два считанных раза и кого она давно уже любила своей первой и единственной любовью. Она не очень понимала, но чувствовала, что ему трудно, и сердце ее нестерпимо и радостно болело за него. Она поняла, что ему плохо, еще тогда, когда на него наткнулся патруль. Поняла сразу, увидев его лицо в луче фонаря, и тогда же пошла за ним, хотя очень боялась мертвецов, темноты и одиночества. Пошла, потому что не могла не пойти, пошла, не рассуждая, а повинувшись чему-то более могущественному, что давно уже копилось в ней, пошла так же легко и просто, как пошла бы за него на позор, на муки, на смерть.

— Не смей ничего говорить, не смей! — словно в бреду повторяла ефрейтор Брускова, уже не слыша и не контролируя собственных слов. — Сядь вот здесь, рядом со мной, сядь и молчи. Все прошло, кончилось все, совершенно кончилось, навсегда. Новая жизнь начинается, совсем-совсем новая, мирная, другая! Вот проснемся утром, и всё-всё будет другим, незнакомым, добрым. И прекрасным. И мы другими должны стать, совсем другими, слышишь?

Он слушал не слова ее, а голос. Слова были маленькими и незначительными, но голос — негромкий, внутренне звенящий, напряженный, — голос этот проникал в него помимо сознания, гасил тоску, обволакивал печальной нежностью, заглушал грохот потревоженной памяти. Они уже сидели рядом, и девушка двумя руками держала его узкую сильную кисть и говорила, говорила, пока он мягко не освободил эту руку. Тогда она сразу замолчала, замолчала на полуслове, точно опомнившись или вдруг проснувшись. Он закурил, посмотрел на нее:

— Сколько тебе лет?

— Девятнадцать.

— Девчонка.

Он сказал ласково, но она уже пришла в себя и поэтому восприняла это как окончательный приговор. Сжалась в комочек, опустив голову. Он курил, задумавшись, и она долго смотрела на него, а потом встала и медленно пошла в темноту.

— Куда ты?

— Домой, — неуверенно ответила она и остановилась.

— Вместе пойдем. Докурю только.

Девушка нерешительно вернулась. Постояла, присела в стороне — грустная, словно увядшая. Ковыряла пальцем холодную землю, а генерал молча курил, старательно не глядя на нее.

Луна перевалила через горы, блекло осветив низину. Дрожащие, неуверенные тени нехотя поползли по земле, а провалы окопов стали еще чернее, сливаясь в единую ломаную линию, и только в одном — совсем рядом с ними — торчала скрюченная рука убитого.

Девушка вдруг рывком подняла голову, в упор посмотрела на генерала.

— Я люблю вас, — отчетливо сказала она. — Люблю. Вот. Всё.

Он промолчал. Она закрыла лицо ладонями, заплакала злыми, горькими слезами, вздрагивая и шмыгая носом. Он молча достал третью папиросу. Девушка резко встала, пошарила за обшлагом, вынула платок:

— Ваш.

Платок был выстиран, выглажен, сложен треугольничком: каждая складка пропиталась теплом ее тела. Генерал собирался взять его, но неожиданно для себя поймал ее руку, потянул:

— Сядь.

Девушка медленно опустилась на землю. Медленно повернула голову и вдруг, точно сломавшись, рухнула ему на грудь. Он растерянно гладил ее волосы, а она плакала в голос и никак не хотела оторвать лицо от жесткого форменного кителя.

— Ну, что это ты? Что ты?..

Громко всхлипывая, она продолжала изо всех сил цепляться за него. Она не стремилась быть красивой, не пыталась соблазнить, не кокетничала, не прикидывалась потерявшей от страсти голову. Она думала только о том, что он сейчас встанет и уйдет и всё будет кончено, кончено бесповоротно и навсегда...